

Неформат

Единицы смысла

Премьерный спектакль-концерт Лены Кононенко, посвящённый произведениям Веры Полозковой и празднику 8 Марта, прошёл в ресторане «Версаль»

Вера Полозкова

«Живые, тёплые и перепуганные» – так назвала своё выступление талантливая и многогранная актриса Магнитогорского драматического театра имени А.С. Пушкина. Она читает со сцены драм-театра Марину Цветаеву, теперь же отдала предпочтение современнице, да ещё и выбрала необычный зал – ресторана.

Лена Кононенко

партнёр театра имени А. С. Пушкина, выступивший экспертом при создании «Ханумы» – Арчил Андиашвили. Ему, как и Лене, близка классика, проверенная временем, и современная, изящная и понятная лирика.

Вера Полозкова, ставшая главной героиней вечера, – феномен нового поколения. Стихи пишет с пяти лет. Первую книгу опубликовала в 15 лет, уже учась на журфаке МГУ. Она заставила молодёжь, застрявшую в блогах и социальных сетях, полюбить поэзию, читать

и писать стихи, обмениваться «единицами смысла», зарифмованными в ярких образах. Полозкова возвела поэзию в тренд, стала флагом новой литературной волны – волны интернет-поэтов.

Её сочинение, начинающееся словами «Надо жить у моря, мама», – одновременно личное умозаключение и подсказка людям, мечущимся в поисках решения – как жить. По слухам, это произведение уже читают на вступительных экзаменах абитуриенты театральных вузов.

Лауреат премии Риммы Казаковой, номинант премии «Парабола» фонда имени Андрея Вознесенского, статус «Женщина года» в номинации издания Glamour «Прорыв года» в 2014 году, лучшая среди самых стильных людей России в номинации Self-made Woman по мнению журнала HELLO!. И весь этот багаж – в арсенале Веры.

Читатели характеризуют её стиль как откровенный, чувственный и всем понятный. Впрочем, поэзия – дело тонкое, и каждый сам составляет мнение о прочитанном. Это право сегодня есть и у читателей «ММ» – тех, кто знаком с творчеством Веры Полозковой или только откроет её для себя.

✍️ Ольга Балабанова

Поэзия

✍️ Вера Полозкова

Когда-нибудь я отыщу ответ.
Когда-нибудь мне станет цель ясна.
Какая-нибудь сотая весна
Откроет мне потусторонний свет,
И я постигну смысл бытия,
Сумев земную бренность превозмочь.
Пока же плечи мне укутывает ночь,
Томительные шепоты струя,
И обвеяв пряным ветром сны,
И отвлекая от серьезных книг...
И цели совершенно не ясны.
И свет потусторонний не возник.
А хочется, напротив, хмеля слов
И поцелуев, жгущих все мосты,
Бессовестного счастья, новых строф –
Нежданной, изумрудной красоты;
Бессонницы, переплетений – да! –
Сердцебиений, слившихся в одно...
А что до бренности, так это всё тогда
Мне будет совершенно все равно.
Обрушится с уставших плеч скала:
Меня отпустит прошлых жизней плен.
Мне перестанут сниться зеркала,
И призраки, и лабиринты стен...
И, может, не придется ждать сто лет.
Я знаю – зряч лишь тот, кто пил сей хмель...
Вот в нем-то и отыщется ответ,
И в нем таится истинная цель.

Губы плава в такой ухмылке,
Что на зависть и королю,
Он наколет на кончик вилки
Мое трепетное «люблю».
И с лукавством в медовом взоре
Вкус божественным наречет.
И графу о моем позоре
Ему тоже запишут в счет.

В свежих ранах крупинки соли.
Ночью снятся колосья ржи.
Никогда не боялась боли –
Только лжи.
Индекс Вечности на конверте.
Две цыганки в лихой арбе.
Никому не желала смерти.
Лишь себе.
Выбиваясь из сил, дремала
В пальцах Господа. Слог дробя,
Я прошу у небес так мало...
Да, тебя.

Очень спокойно, мелочью не гремя,
Выйти навстречу, пальчиками трема
Тронув курок, поближе стрелять
к межбровью;
Если и вправду это зовут любовью, –
Господи, Святыи Божже, помилуй мя.
Страсть – это шаткий мост
от друзей к врагам;

Если фанатик – значит, и моногам:
Ты ему дышишь в шею, едва осмелясь,
А в голове отточенным хуком в челюсть
Складываешь бесшумно к своим ногам.
Страсть – это очень технологичный дар
Чуять его за милою нутром – радар
Встроен; переговариваться без раций.
Хочешь любить – научись доверяться.
Фирменный отработывая удар.

Меня любят толстые юноши около сорока,
У которых пуста постель
и весьма тяжела рука,
Или бледные мальчики от тридцати пяти,
Запутавшие, издержавшиеся в пути:
Бывшие жены глядят у них с безымянных,
На шеях у них висят.
Ну или вовсе смешные дядьки
под пятьдесят.
Я люблю парня, которому двадцать,
максимум двадцать три.
Наглеца у него снаружи и сладкая мгла
внутри;
Он не успел огрести той женщины,
что читалась бы по руке,
И никто не висит у него на шее,
ну кроме крестика на шнурке.
Этот крестик мне бьется в скулу,
когда он сверху, и мелко крутится на лету.
Он смеется
и зажимает его во рту.

Горький запах полыни
И песок из пустыни
На верблюжьем горбе –
Тебе.
Деньги старого скряги,
Две скрепленные шпаги
На фамильном гербе –
Тебе.
Незажившие раны,
Все далекие страны
В подозрной трубе –
Тебе.
Ключ от запертой дверцы
И еще мое средце
Цвет алой зари –
Бери!..

Что-то клинит в одной из схем.
Происходит программный сбой.
И не хочется жить ни с кем,
И в особенности с собой.
Просто срезать у пятак тень.
Притяжение превозмочь.
После – будет все время день.
Или лучше все время ночь.

Больно и связкам, и челюстным суставам:
– Не приходи ко мне со своим уставом,
Не приноси продуктов, проблем и денег –

Да, мама, я, наверное, неврастеник,
Эгоцентрист и злая лесная нежить –
Только не надо холить меня и нежить,
Плакать и благодарности ждать годами –
Быть искрящими проводами,
В руки врезавшимися туго.
Мы хорошие, да – но мы
Детонируем друг от друга
Как две Черные Фатимы.
– Я пойду тогда. – Ну пока что ль.
И в подъезде через момент
Ее каторжный грянет кашель
Как единственный аргумент.

О, швыряемся так неловко мы –
– Заработаю я! Найду! –
Всеми жалкими сторублевками,
Что одолжены на еду,
Всеми крошечными значками,
Что со вздохом отдал сосед –
Потому что зачем иначе мы
Вообще рождены на свет,
Потому что мы золоченая,
Но трущобная молодежь.
Потому что мы все ученые
И большие поэты сплошь.
Пропадешь,
Коли попадешь в нее –
Ведь она у нас еще та –
Наша вечная, безнадежная,
Неизбывная нищета.

Уж лучше думать, что ты злодей,
Чем знать, что ты заурядней пня.
Я перестала любить людей –
И люди стали любить меня.
Вот странно – в драной ходи джинсе
И рвякй в трубку, как на котят –
И о тебе сразу вспоминают все,
И тут же все тебя захотят.
Ты независим и горд, как слон –
Пройдет по телу приятный зуд.
Гиены верят, что ты силен, –
А после горло перегрызут.

Я совсем не давяю на жалость –
Само нажалось.
Половодьем накрыло веки, не удержалось.
Я большая-большая куча своих пожалуйст –
Подожгу их и маяком освещу пути.
Так уютнее – будто с козырем в рукаве.
С тополиной опухолью в листве;
– Я остаюсь летовать в Москве.
– Значит, лети.

Стиснув до белизны кулаки,
Я не чувствую боли.
Я играю лишь главные роли –

Пусть они не всегда велики,
Но зато в них всегда больше соли,
Больше желчи в них или тоски,
Прямоты или истинной воли –
Они страшно подчас нелегки,
Но за них и награды поболе.

Ты же хочешь заставить меня
Стать одним из твоих эпизодов.
Кадром фильма. Меновением дня.
Камнем гулких готических сводов
Твоих замков. Ключами звеня,
Запереть меня в дальней из комнат
Своей памяти и, не браня,
Не виня, позабыть и не вспомнить.

Только я не из тех, что сидят по углам
В ожидании тщетном великого часа,
Когда ты соизволишь вернуться
к ним – там,
Где оставил. Темна и безлика их масса, –
Ни одной не приблизиться
к главным ролям.

Я не этой породы. В моих волосах
Беспокойный и свежий, безумствует ветер,
Ты узнаешь мой голос в других голосах –
Он свободен и дерзок, он звучен и светел,
У меня в жилах пламя течет, а не кровь,
Закипая в зрачках обжигающим соком.
Я остра, так и знай –
быть не надо пророком,
Чтоб понять, что стреляю я в глаз,
а не в бровь.

Ты мне нравишься, Мастер: с тобой хоть
на край,
Хоть за край: мы единым сияньем облиты.
Эта пьеса – судьба твоя; что ж, выбирай –
Если хочешь, я буду твоей Маргаритой...

Ты умело сбиваешь спесь –
Но я справлюсь, куда деваться;
Ночью хочется напиваться,
Утром хочется быть не здесь.
Свален в кучу и гнил на треть,
Мир подобен бесхозным сливам;
Чтобы сделать Тебя счастливым,
Нужно вовремя умереть.
Оступиться, шагая по
Нерву – hey, am I really gonna
Die? – не освобождать вагона,
Когда поезд пойдет в депо.
В землю падал педалью вжать,
Чтоб не радовалась гиеня
Свора пакостная; гниеня
Коллективного избежать.
И другим, кто упруг и свеж,
Объяснить все как можно четче;
Я уже поспеваю, Отче.
Заberi меня в рай и съешь.